

Вестник Омского университета, 1997, Вып. 2. С. 47-50.
© Омский государственный университет, 1997

УДК 543.123

Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПА

В.Б. Шепелева

*Омский государственный университет, кафедра современной отечественной истории, историографии и источниковедения
644077, Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 14 марта 1996 г.

This article inspects the dynamics of Bolshevic's approach to the persons carrying on a small manufacturing business at home in Russia on a strategical and tactical level from the beginning of XX Century till the civil war.

История общества естественным образом представляет собой историю составляющих его социальных групп, слоев и классов. Заметным явлением в разных сферах жизни страны 20-х годов выступали, в частности, кустари. И это не случайно: к 1913 - 1916 гг. в России, по разным системам подсчета, выявлялось от 1,25 млн. постоянных до 15 млн. всех кустарей, ремесленников, промысловиков; или 4,5 - 5,2 млн. - по выводам А.А.Рыбникова - наиболее авторитетным среди специалистов [9, с.33,65];[13, с.91,94]. В общепромышленном производстве России на долю кустарно-промыслового сектора приходилось, соответственно, от 1/5 до 1/3 объема валового продукта (в Сибири - 55-57%)[8, с.14];[9, с.33,37-38];[13, с.91];[15, с.12].

Мировая и гражданская войны, ударившие прежде всего по сложным экономическим структурам, привели к заметному возрастанию роли кустарного сектора в общепромышленном производстве страны (до 40% и более в 1923-24 годах) и, особенно, в производстве товаров первой необходимости (до 90% валяной и др. обуви, войлочных изделий, продуктов деревообработки, до 3/4 товаров по всей группе "одежда и туалет", более половины пищевкусовой продукции [8, с.14-16];[9, с.20,22-24,34,66].

В отечественной историографии сложилась определенная практика обращения к проблемам кустарной промышленности, меньше - к проблемам основного субъекта ее - кустарей, хотя история средних городских слоев с 1917 г. в последнее время привлекла исследователей. Впрочем, "средние городские слои" включают в себя лишь часть кустарного населения. В целом же, с точки зрения социально-классового аспекта проблемы, история средних слоев, мелкой буржуазии, "кустарничества" в переходный от капитализма к социализму период далеко еще не разработана [4].

Представляется, что на современном этапе поиска путей развития неодоленного социализма, обращения к проблеме альтернативности развития страны, отечественный опыт подхода к мелкотоварным производителям промышленного толка в 1920-х годах весьма продуктивен.

Изучение истории сибирской кустарной кооперации приводит к выводам, что не только с конца 1919 по лето 1921 гг., но и после создания региональной куспромкооперативной системы в крае до середины 20-х годов преобладал не диалектический, нэповский, а опирающийся на "военно-коммунистическую", "штурмовую" идеологию административный, командный, или же новый - упрощенно-коммерческий подход [15,с.17-25];[14,с.150-156].

Опыт работы с кустарем через госорганы управления со всей очевидностью проявил в Сибири именно этот удивительный левацко-правый симбиоз методов,практическим результатом чего стало очевидное пренебрежение,просто третирование кустарного сектора и особенно его кооперативной части.Основная масса кустарей оказалась в условиях доведенного до предела налогового пресса (при этом относительная тяжесть промыслового налога на сибиряков превзошла дореволюционный уровень более чем на четверть) [6,Ф.209.Оп.1.Д.190.Л.95-96;Ф.223.Оп.1.Д.603.Л.127];[5,Ф.1.Оп.1.Д.1315.Л.51];[12,с.12]. Более того, в жесточайших налоговых тисках оказалась и с трудом возникшая (из-за активного противодействия потребкооперации региона) система сибирской промкооперации. Даже более чем прохладно относящиеся к промкооперативной системе местные куспромы (государственные органы по делам кустарной промышленности и промкооперации) вынуждены были признать, что артельщики несут непомерно большой налоговый груз и к тому же находятся в крайне невыгодных условиях кредитования, обеспечения сырьем и расчетов с заказчиками. Вся первая половина 20-х годов отмечена нездоровым отношением к кооперативным кустарям, как к "нетрудовым элементам" со стороны органов управления, хозяйственных организаций и предприятий, профсоюзов [1,с.30].К сожалению, и до конца 20-х годов аналогичный подход к промкооперации, кустарям был распространенной практикой.И не мудрено, что кустари, включая членов промартелей, то и дело оказывались в ущемленном положении и по коммунально-жилищным вопросам, и в подоходном обложении, и в сфере образования, терпели поражение в политических правах и т.д. Член куспромкооперации, кустарь-труженик, мелкопромышленник, частник и представитель частнокапиталистического уклада - эти понятия с легкостью удивительной смешивались применительно к сибирскому кустарю,сибирской промкооперации 20-х годов [2,с.2];[10,с.40-45];[5,Ф.22.Оп.2.Д.564.Л.304-308];[7,Ф.5449.Оп.1.Д.20.Л.134.].

В чем здесь дело? Определяется ли подобная противоречивая ситуация марксистским видением судеб мелкотоварных производителей при движении к социализму, или, может быть, объясняется партийными решениями,или законодательством страны, а может быть подзаконными нормативными актами или, наконец практической интерпретацией экономической политики на уровне отдельных регионов?

На наш взгляд, извлеченная информация позволяет вычлнить,как достаточно самостоятельные пять пластов-уровней, определявших в совокупности развитие кустарной промышленности 20-х годов. Первый - теоретико-методологический пласт - прежде всего система ленинских воззрений и общепартийные стратегические положения. Второй - решения общепартийных форумов, закрепляющие (хотя и не всегда) в виде основных тактических принципов выводы первого уровня. Третий - общее законодательство и нормативные акты: несовпадения в ряде случаев с подходами теоретико-методологического уровня здесь достаточно отчетливы. Четвертый - деятельность отдельных ведомств, центральных органов, профсоюзов и кооперации. Расхождения на этом уровне с ленинской системой воззрений могут быть достаточно ощутимы. И, наконец, пятый пласт - региональная интерпретация, на которой сказываются так или иначе подходы всех охарактеризованных выше пластов. И результаты на этом уровне могут быть самыми различными,однако осмыслить их достаточно полно без обращения к воздействию со стороны вычлененных пластов вряд ли возможно.Остановимся на рассмотрении первого и отчасти второго из отмеченных уровней.

В 1919 году на VIII Съезде РКП(б) В.И.Ленин высказал важнейшее для судеб средних слоев положение: "...ни в коем случае не следует ... что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата, - будто и дальше нам можно обойтись без участия средних, промежуточных элементов [11, т.38. с.189]. Непосредственно проблемы кустарей Ленин касался в многочисленных до- и послереволюционных работах, посвященных анализу мелкой буржуазии страны. "Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства - вот два признака, составляющие понятие "мелкая буржуазия", подчеркивал он в 1894 г., и делал заключение, - "сюда подходят, таким образом, и крестьяне, и кустари".

Вообще следует оговориться, что понятия "кустарь", "кустарничество", "кустарная промышленность" В.И.Ленин оценивал как никуда не годные с научной точки зрения, писал о "полной бессодержательности" последних, где смешивалось воедино разноуровневое множество: патриархальные ремесленники, и мелкотоварные производители, в том числе и кустари одиночки, работающие с членами своей семьи, и кустари-средняки, нанимающие 1-2 работников, и владельцы капиталистических мастерских, "предприниматели-мануфактуристы с крупным капиталом" и, одновременно, домашние рабочие капиталистических заведений, - и все это вне всякой дифференциации на земледельцев и неземледельцев, горожан и селян [11, т.1. с.413; т.2. с.323, 399, 400].

Кстати, этот "излюбленный прием народнической экономии" оказался удивительно живучим и сыграл крайне негативную роль в судьбах трудовых кустарей 1920-х годов, будучи взятым на вооружение прежде всего финансовыми, правовыми, профсоюзными органами.

И тем не менее, единство всех отмеченных выше субъектов - реальность по основной сфере деятельности. Необходимо только четко представлять социально-классовый спектр этого неоднородного сообщества, что и было сделано В.И.Лениным в его первых важнейших работах: "По поводу так называемого вопроса о рынках", "Что такое друзья народа", "Кустарная перепись", "Развитие капитализма в России". "...в пореформенную эпоху, - читаем в первой, - масса кустарей все более и более беднела, впадала в нищету...". По ленинским подсчетам конца XIX в. кустарная беднота составляла более 28% всех кустарей, малосостоятельные - около 42%, середняки - более 24%, зажиточные - 3,8%, и богатые - около 2%. Получалось, что у 70% кустарей "потребности, жизненный уровень" понижены были "до нищенского состояния". Их заработок был более чем вдвое меньшим против заработка наемных рабочих "в наилучше поставленных мастерских". Таким образом, уже в конце XIX в. В.И.Ленин отмечал как "основную черту в экономике" кустарной промышленности "полную пролетаризацию громадного большинства кустарей", подчеркивал, что "наиболее типичные работники" кустарных предприятий стоят ближе к работнику в крупной машинной индустрии, чем к крестьянству" (хотя тяготение, "к превращению в мелкого хозяйчика" сохранялось еще для множества кустарей) [11, т.1. с.104, 210, 213; т.2. с.368, 373, 379-83, 398; т.3. с.270-71, с.436].

Это, заметим, фиксация итогов XIX в. В условиях прогрессирующего капитализма начала XX в. вычлененная Лениным "основная черта в экономике" "русского кустарничества" не могла не получить своего развития, и уж по меньшей мере - закрепления.

Относительно дореволюционных ленинских высказываний о кустарях необходимо обратить внимание на следующее: полемизируя с П.П.Масловым в 1908 г., он заметил: "...поддержка кустаря, т.е. мелкой собственности в промышленности, никогда не может быть делом социал-демократов, как деятельность безусловно и при всяких обстоятельствах реакционная..." [11, т.17. с.265]. Вне учета ситуации момента, контекста полемики, вообще в случае недиалектичности мышления, подобные соображения могли служить и, позднее, служили почвой для антикустарнических, левацких, по существу, настроений - т.е. есть стратегические установки - конечные цели и есть тактика, задачи

конкретного дня, и движение к цели по прямой жесткой вертикали - абсурд.

Между тем, если говорить о ленинском видении перспектив кустарной, мелкой промышленности, то, по крайней мере, странным было бы не обратить внимание на "Кустарную перепись 1894/95 г. в Пермской губернии", где Ленин подкрепляет свои рассуждения выдержкой из "Капитала": " Уничтожая эти побочные промыслы в одной их форме, в известных отраслях промышленности, на известных пунктах, она вызывает из снова к жизни на других или на статью 1908 г.: "Целый ряд "средних слоев" неминуемо вновь создается капитализмом"; наконец, "Тетради по империализму": "Финансовый капитал не устраняет низших ...форм капитализма"[11, т.2. с.345; т.17. с.25; т.28. с.171; т.34. с.164, 167, 178].

Итак, можно сказать, что дореволюционные ленинские оценки кустарно-ремесленного населения близки к его характеристикам крестьянства, с учетом, однако, гораздо большей капитализации первого и одновременно - нищенского уровня жизни массы так называемых "самостоятельных" кустарей. Входит в эти оценки и определение перспектив кустарного производства.

Как представлялась В.И. Ленину отношение к кустарям со стороны революционной власти в 1917 г.? Говоря о национализации, принудительном синдицировании как о безусловно назревших мероприятиях, он в "Грозящей катастрофе..." подчеркивал: "Выгоды ... для массы крестьян и мелких промышленников были бы от национализации банков огромные...Доступность и легкость кредита именно для мелких хозяйчиков... возросла бы чрезвычайно", точно так же национализация страхового дела "понижила бы страховую премию", дала бы "массу удобств и облегчений всем страхующимся, позволила бы расширить их круг", а вообще "социалисты даже при полном социалистическом перевороте экспроприировать мелких крестьян не хотят, не могут и не будут", и потому, в частности, мелкие предприятия из числа принудительно синдицируемых "могли быть исключены".

Таким образом, намечалась не экспроприация, не стимулирование пролетаризации мелких производителей, а программа мер реальной помощи им. Между тем ленинские предоктябрьские разработки явились основой советской экономической политики, как системы мер, направленных на привлечение к созидательной деятельности всех социально-экономических сил старого общества, за исключением государственно-монополистического уклада, который сразу же подвергся национализации.

Прочие же несоциалистические уклады этой системы подходов предполагалось преобразовывать в социалистические лишь по мере вызревания соответствующих предпосылок. Таково, в целом, ленинское видение основных принципов экономической политики в период "триумфального шествия Советской власти" и - в более развернутом, проработанном варианте - весной 1918 г., что находило свое воплощение и в ряде центральных органов (см. по 1917-му - началу 1918-го гг. - реализацию разных сторон аграрного вопроса и ленинский вывод о том, что до лета-осени 1918 г. в деревне осуществлялась буржуазно-демократическая революция, Положение о рабочем контроле, Декрет об аннулировании государственных займов, где особо оговаривались интересы мелких держателей и т.д.). Что же касается "красногвардейской атаки на капитал", - речь здесь идет об отношениях лишь с частнохозяйственным капитализмом, во-первых, и, во-вторых, - о шагах, вынужденных действиями самого частнохозяйственного капитализма, шагах, не могущих иметь при этом решающего значения в "обобществлении производства на деле" и потому весьма ограниченных по своему значению и по срокам их применения (грозящих гибелью революции в противном случае). Иначе: не "введение социализма", не "план "ввести" социализм", а "долгий период "родовых мук", постепенность перехода, "стадия блока с мелкой буржуазией", как записывал Ленин в ноябре-декабре 1917 г., т.е.: в основе была ставка на метод опосредствованного социалистического строительства, и в отношении мелкого производителя - в первую

очередь[11, т.35.с.30-31,102,208,424; т.36.с.131,148,159,171,175-80].

Любопытно, что даже такая "постепенновская" мера, как рабочий контроль, вводилась не на всех предприятиях с наемной рабочей силой, мельчайшие, с годовым оборотом до 10 тыс.рублей или с числом работников до 5, от рабочего контроля освобождались, т.е. в отношении подавляющей массы кустарей, включая зажиточных, намечалась максимально осторожная политика. Предполагавшиеся на рубеже 1917-1918 гг., далеко не "постепенновского" характера изменения в сфере распределения товаров первой необходимости - это тактические действия, вынуждаемые чрезвычайной обстановкой. В.И. Ленин писал в "Проекте декрета о потребительских коммунах": "Война... Преступная спекуляция и погоня за наживою... довела до мучений голода ...миллионы людей. *Необходимость чрезвычайных мер* для помощи голодным и для беспощадной борьбы со спекулянтами *побуждает* рабочее и крестьянское правительство установить, как закон Российской республики, следующие правила..." и объяснял, что "экономическое и хозяйственное положение страны дошло до такого пункта, где нельзя допустить средних решений". Затем, на подобных мерах большевики настаивали как на одном из средств спасения страны для революционно-демократической диктатуры, в-третьих, аналогичные действия проводили правительства всех пострадавших от мировой войны государств. И, наконец, последнее: даже в таких экстремальных условиях Советская власть сочла возможным пойти на компромисс, предложенный потребкооперацией, рабочей и общесословной, до того, как правило, саботирующей сотрудничество с рабоче-крестьянским правительством. В целом, весной 1918 г. экономическая политика была проработана В.И. Лениным как политика советского госкапитализма с выявлением фундаментального значения в судьбах советских мелкотоварных производителей кооперации.

Изменилось ли отношение, подход к мелкотоварным производителям в условиях гражданской войны?

Литература

- [1] Вестник кустарной промышленности. 1922. N 8-9.
- [2] Вестник промысловой кооперации. 1925. N 3.
- [3] Вестник промысловой кооперации. 1928. N 1.
- [4] Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984.
- [5] Государственный архив Омской области (ГАОО).
- [6] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
- [7] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
- [8] Кустарная промышленность и промышленная кооперация: Сб. ст. и мат. М., 1928. Вып. 1.
- [9] Кустарная промышленность СССР: Сб. ст. и мат. М., 1925. Вып. 1.
- [10] Кустарно-промысловая кооперация накануне XV Съезда ВКП(б). М., 1927.
- [11] Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
- [12] Отчет V Сибирского экономического совещания. Новониколаевск, 1924.
- [13] Сарабьянов В. Кооперация в системе советского хозяйства. М., 1927.
- [14] Шепелева В.Б. Из истории кустарно-промысловой кооперации Западной Сибири. 1917-1924 гг. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984.

[15] Шепелева В.Б. Кустарно-промысловая кооперация Сибири. 1919-1929 гг.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1981.